
ЦЕНА МЕЧТЫ

Екатерина Суворова

Цена мечты

«Автор»
2026

Суворова Е.

Цена мечты / Е. Суворова — «Автор», 2026

Что бы вы отдали за исполнение желания?В городке Блэквуд, дождь не прекращается третьи сутки. Смотритель кладбища Уолтер Хейл находит в разрушенном склепе старинный золотой медальон с восьмиконечной звездой и решает подарить его дочери, чтобы загладить давнюю вину, а на следующий день исчезает. В городке, где все знают друг друга, человек не может исчезнуть просто так. Шериф Этан Коул, чья жена умирает от неизлечимой болезни, берётся за дело. Семнадцатилетняя Лили твердит, что во всём виновата она, но не может объяснить, что произошло. Чем глубже Этан копает, тем явственнее чувствует: тихий городок хранит древнюю тайну, а найденный медальон не просто красивая вещица. Иногда мечты сбываются, но у каждой мечты есть цена. И этой осенью Блэквуд узнает, насколько она высока.

© Суворова Е., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. 7
Глава 2. 10
Глава 3. 14
Глава 4. 17
Глава 5. 20
Глава 6. 22
Конец ознакомительного фрагмента. 24

Цена мечты

Пролог

Блэквуд, штат Мэн. Октябрь. 02:47 ночи.

Дождь не прекращался третьи сутки. Это была холодная вязкая морось, которая пропитывала всё, до чего дотрагивалась. Воздух, земля и даже дома, казалось, промокли насквозь. На старом городском кладбище, расположенном на холме за баптистской церковью, было особенно неспокойно. Ветви столетних вязов, черные от влаги, скрипели, словно старые кости, и тянулись к мраморным надгробиям, как скрюченные пальцы. Фонарь на центральной аллее мигал, отбрасывая рваные, судорожные тени.

Уолтер Хейл, ночной смотритель кладбища, сидел в своей тесной сторожке и слушал, как барабанит дождь по жестяной крыше. Ему было пятьдесят три, и за двадцать лет работы здесь он привык к тишине и одиночеству, но сегодня что-то было не так. Тишина казалась слишком плотной, а одиночество враждебным. Внутри всё сжалось в тугой комок, как перед внезапной опасностью. Уолтер был человеком верующим, и эта вера подсказывала ему, что есть вещи, которые лучше не тревожить. Он знал старую городскую легенду: когда земля на кладбище «просыпается», это не к добру. Словно в ответ на его мысли, где-то на дальнем северном участке раздался непривычный звук. Это был глухой, утробный треск, за которым последовал тяжелый вздох оседающей земли и звон разбитого камня.

Уолтер вздрогнул и перекрестился. Он знал этот участок. Там стоял склеп семьи Грейвз, заброшенное каменное сооружение, огороженное ржавой кованой оградой. Говорили, что это место проклято, что последних отпрысков рода хоронили заживо, а их стоны до сих пор слышны по ночам. Глупости, конечно. Но когда смотритель услышал, как треснул старый кирпич, его рука сама потянулась к фонарю.

Он накинул плащ, взял дробовик (скорее по привычке, от бродячих зверей, чем от людей) и вышел в ледяную ночь. Воздух был тяжелым, пах прелыми листьями и сырой глиной. Луч фонаря выхватывал из темноты косые полосы дождя и покосившиеся памятники, которые в этом дрожащем свете казались живыми. Уолтер шел медленно, хлюпая сапогами по грязи. Каждый его шаг отдавался в тишине глухим эхом, и ему казалось, что он не один, что кто-то следит за ним из-за могильных плит.

Когда он добрался до дальнего участка, то остановился. Часть фасада склепа Грейвз обрушилась, открыв черный провал. Кирпичи лежали неровной кучей, пересыпанные осыпавшимся раствором и кусками старого дерева. В воздухе стоял кисловатый запах подвала, запах тлена. Уолтер осмотрелся. Могилы вокруг словно придвинулись ближе, а дождь усилился, барабаня по капюшону с внезапной злостью.

Он снова перекрестился, уже медленнее, шепча молитву. Ему следовало бы вернуться в сторожку, позвонить в мэрию, утром разобрать завалы. Но что-то потянуло его внутрь. Любопытство? Или нечто иное, необъяснимое, как гипноз? Луч фонаря скользнул в провал. В глубине, среди обломков и истлевших гробов, что-то блеснуло. Золото. Цепочка. Медальон.

Уолтер опустился на колени, чувствуя, как холод пробирается под плащ и липнет к старой фланелевой рубашке. Он протянул руку. Пальцы обхватили металл. Он был тёплым. Горячим, даже. Словно только что побывал в чьей-то живой ладони. Внутри заворочалось странное, забытое чувство, жадное, острое любопытство, смешанное с надеждой.

Уолтер выпрямился и посмотрел на медальон в свете фонаря. Это была тонкая золотая пластина с выгравированной восьмиконечной звездой, на цепочке из тёмного металла. Вещь явно старинная, дорогая. И почему-то, глядя на неё, Уолтер подумал не о деньгах, не о склепе и не о странном тепле, исходившем от металла. Он подумал о Лили.

Его дочери было семнадцать. Она была его единственной радостью, единственным светом в жизни после смерти жены. Но Уолтер знал, что слишком строг с ней. Он требовал

порядка, послушания, не давал ей той свободы, которую она заслуживала. А вчера… вчера он запретил ей пойти на школьную вечеринку. Запретил, потому что боялся за неё, боялся тех опасностей, что подстерегают молодую девушку в ночном городе. Но сейчас, стоя под ледяным дождем у разверстой могилы, он чувствовал только вину. Лили плакала весь вечер, а он даже не попытался её утешить.

Медальон блеснул в его ладони. Уолтер сжал его в кулаке. Может быть, это знак? Может быть, Бог послал ему возможность загладить вину? Подарок, который скажет дочери то, что он сам не умел сказать словами: «Прости меня. Я люблю тебя. Я хочу, чтобы ты была счастлива».

Он сунул медальон в карман и в последний раз взглянул на провал. Ему показалось, что оттуда повеяло ледяным сквозняком, и на мгновение в воздухе повис едва уловимый звук, не то вздох, не то шелест. Но это был лишь дождь, шумящий в голых ветвях. Уолтер развернулся и пошёл обратно к сторожке, крепко сжимая в кармане тёплый кусочек металла и мечтая о том, как порадует дочь.

На следующий день смотритель Уолтер Хейл не вышел на работу. А через три дня его объявили в розыск.

Глава 1.

Запах хлорки въелся в стены, в занавески, в сам воздух, которым дышал Этан Коул. Он сидел на жёстком пластиковом стуле у окна больничной палаты и смотрел, как капли дождя стекают по стеклу, оставляя за собой извилистые дорожки. За окном не было ничего, кроме серого неба, размытых очертаний парковки и голых ветвей старого клёна, склонившегося над тротуаром, словно уставший старик. Дождь шёл третьи сутки, не переставая, и казалось, что весь мир медленно размокает, теряет форму, превращается в вязкую, бесформенную массу.

Палата была маленькой, но светлой, насколько вообще может быть светлым помещение, где смерть дышит в затылок каждому, кто сюда входит. Белые стены, белые простыни, белые лица. Сара лежала на кровати, подключённая к капельнице, и её дыхание было таким тихим, что Этану приходилось напрягать слух, чтобы убедиться: она ещё здесь, ещё с ним. Её некогда густые каштановые волосы поредели, кожа приобрела оттенок старого пергамента, а руки, лежавшие поверх одеяла, стали тонкими, как у ребёнка. Но глаза, когда она открывала их, оставались прежними, тёплыми, живыми, с той тихой иронией, которая всегда поражала Этана. Даже сейчас, на краю, она умудрялась находить в себе силы улыбаться.

— Ты опять не спал, — произнесла Сара, не открывая глаз. Голос её был слабым, но отчётливым.

Этан вздрогнул. Он надеялся, что она спит. Он не хотел, чтобы она видела его усталость, его воспалённые от бессонницы глаза, его беспомощность.

— Я спал, — соврал он. — Немного.

— Врёшь, — Сара приоткрыла один глаз и усмехнулась. — Я слышала, как ты ворочался. Этот стул, по-моему, скоро развалится под тобой.

Этан ничего не ответил. Он просто смотрел на неё, и в груди у него разрасталась тупая, ноющая боль, с которой он давно научился жить. Боль от того, что он ничего не может сделать. Боль от того, что время уходит, как вода сквозь пальцы, и никакие молитвы, никакие врачи, никакие деньги не способны остановить этот поток. Врачи сказали: от трёх до шести месяцев. Это было два месяца назад. С тех пор каждый день казался украденным, каждый час подарком, отравленным неизбежностью.

— Тебе нужно идти, — тихо сказала Сара. — Город же не может без шерифа.

— Город может подождать, — ответил Этан, хотя сам знал, что это не так. В Блэквуде было тихо, как в могиле, но именно в этой тишине он чувствовал какое-то напряжение, словно земля под городом начинала шевелиться. Может быть, это просто его собственная тревога, переходящая на всё вокруг. А может быть, что-то действительно назревало.

Сара повернула голову к окну. Капли дождя стучали по стеклу с монотонным упорством, и в этом звуке было что-то гипнотическое, почти убаюкивающее.

— Посмотри на этот дождь, — сказала она. — Он никогда не закончится, да?

— Закончится, — ответил Этан. — Рано или поздно всё заканчивается.

— Только не твоё упрямство.

Он улыбнулся, хотя улыбка вышла кривой и усталой. Сара всегда умела разрядить обстановку, даже когда сама лежала на больничной койке и смотрела в потолок с выражением человека, который уже всё для себя решил. Она не боялась смерти. Она боялась только одного, оставить Этана одного. И он знал это.

Телефон завибрировал в кармане, и этот звук разорвал тишину палаты, как удар ножа. Этан вздрогнул, выхватил телефон, взглянул на экран. Дейв Харрис, его помощник, звонил уже во второй раз за утро. Этан нажал на кнопку, поднёс трубку к уху и отвернулся к окну.

— Шериф, — голос Дейва звучал взволнованно, почти испуганно. — У нас проблема.

Этан поморщился. В Блэквуде "проблемой" обычно называли сбежавшую с фермы корову или пьяную драку у бара. Но сегодня что-то в тоне помощника заставило его напрячься.

— Что случилось?

— Лили Хейл пришла. Плачет, трясётся вся. Говорит, отец не вернулся домой уже вторую ночь. Я сам съездил на кладбище, в сторожке пусто, говорят и на работе его не видели. Никаких следов. Шериф, Лили говорит, что это она во всём виновата, это странно.

Этан закрыл глаза. Уолтер Хейл. Смотритель кладбища. Человек, которого он знал почти десять лет, тихий, набожный, до мозга костей ответственный. Такой не ушёл бы, не предупредив. Такой не оставил бы дочь одну.

— Где она сейчас? — спросил Этан.

— У нас в участке. Я дал ей чай, но она всё равно трясётся и не может толком ничего объяснить. Говорит, что она во всём виновата. Она очень напугана.

Этан вздохнул. Уолтер не был новичком. Уолтер знал каждый камень на кладбище, каждую тропинку в городе. Если он пропал, значит, случилось что-то действительно серьёзное.

— Я еду, — коротко сказал Этан.

Он нажал отбой и обернулся к Саре. Она смотрела на него внимательно, и в её глазах не было ни страха, ни упрёка, только понимание.

— Иди, — сказала она. — И не вини себя за то, что не можешь разорваться.

Этан подошёл к кровати, наклонился и поцеловал её в лоб. Кожа была прохладной и сухой.

— Я вернусь, как только смогу.

— Знаю.

Она слабо сжала его руку, и в этом прикосновении было больше силы, чем в любом другом жесте. Этан сглотнул комок в горле и вышел из палаты, чувствуя, как дверь за его спиной закрывается с мягким, но неотвратимым щелчком.

Коридор больницы встретил его всё тем же запахом хлорки и лекарств. Этан шёл быстро, не глядя по сторонам, стараясь не вслушиваться в приглушённые разговоры медсестёр и шарканье тапочек по линолеуму. Он ненавидел это место. Ненавидел с той минуты, как впервые переступил его порог с диагнозом Сары в руках. Здесь время тянулось иначе, здесь каждый коридор казался бесконечным, а каждое лицо, маской, скрывающей либо боль, либо страх, либо безразличие.

На выходе его обдало сырым, ледяным воздухом. Дождь хлестал по асфальту с таким ожесточением, словно хотел смыть с лица земли весь этот город. Этан поднял воротник куртки, но это почти не помогло, влага проникала всюду, липла к коже, пробиралась за шиворот. Он стоял под козырьком у входа и смотрел, как серые потоки воды заливают парковку, как фары редких машин размываются в тумане, как голые деревья гнутся под порывами ветра. В такие минуты Блэквуд казался не просто тихим, он казался вымершим, запертым в каком-то мрачном, бесконечном цикле дождя и тоски.

Этан сунул руки в карманы и пошёл к своему внедорожнику. Мысли его были тяжёлыми. Уолтер Хейл. Он представлял его лицо, обветренное, с глубокими морщинами вокруг глаз, с той особой, спокойной уверенностью, которая бывает только у людей, живущих в ладу с собой и с Богом. Уолтер никогда не был словоохотливым, но всегда здоровался первым, всегда останавливался перекинуться парой слов о погоде, о городе, о дочери. О Лили он говорил с теплотой, которую не умел скрывать, и Этану было больно видеть, как этот суровый человек тает при одном упоминании её имени.

И вот теперь этот человек исчез. Просто не вернулся. Что могло с ним случиться? Упал в какой-нибудь размытый овраг? Поскользнулся на мокрой траве? Или... случилось нечто иное, нечто такое, о чём Этан боялся даже думать?

Он открыл дверцу машины, сел за руль и завёл двигатель. Дворники заметались по стеклу, смахивая воду, но видимость всё равно оставалась отвратительной. Этан выехал с парковки и повернул в сторону центра, туда, где на Мейн-стрит, в старом кирпичном здании, располагался полицейский участок.

В салоне пахло мокрой тканью и кофе. Этан включил печку, но тёплый воздух не принёс облегчения. Он думал о Лили. О том, как ей сейчас страшно, как она сидит в холодном казённом помещении, сжимая в руках стакан с остывшим чаем, и смотрит на дверь, ожидая, что войдёт отец. Он вспомнил её, семнадцатилетнюю, светловолосую, с большими серыми глазами, в которых всегда было что-то настороженное, как у дикого зверька. Она росла без матери, и Уолтер был для неё всем. Потерять его сейчас, так внезапно, без объяснений...

Этан сжал руль. Нет, он не позволит себе поддаваться эмоциям. Нужно работать. Нужно опросить Лили, осмотреть сторожку, проверить кладбище, найти хоть какую-нибудь зацепку. В тихом городке, где все знают друг друга, человек не может просто раствориться. Что-то должно было остаться. След на земле, забытая вещь, свидетель.

Но где-то глубоко внутри, в том месте, которое он старательно глушил логикой и профессиональной привычкой, шевелилось дурное предчувствие. Слишком уж много странностей в последнее время. Слишком уж гнетущей стала эта осень, слишком злым, дождь. Словно сама природа намекала, что Блэквуд больше никогда не будет прежним.

Впереди показались огни участка, тусклые, размытые, едва различимые сквозь стену дождя. Этан притормозил и повернул на стоянку. Он заглушил двигатель и несколько секунд сидел неподвижно, глядя на мокрое крыльцо, на котором, сгорбившись под козырьком, стоял Дейв Харрис с сигаретой в зубах.

Пора. Этан набрал в грудь побольше сырого воздуха, открыл дверцу и шагнул в дождь.

Глава 2.

Полицейский участок Блэквуда занимал первый этаж старого кирпичного здания на Мейн-стрит, между закрытой пекарней и магазином антикварных товаров, витрина которого уже неделю была заколочена фанерой. Внутри пахло сыростью, дешёвым кофе и табаком, запах, который, казалось, въелся в стены так же глубоко, как хлорка в больничные коридоры. Лампы дневного света гудели ровно, но в этом гудении было что-то тревожное, как в затишье перед грозой.

Этан стряхнул капли с куртки и прошёл вглубь участка. Лили Хейл сидела в углу, на деревянной скамье у стены, сгорбившись и обхватив себя руками. Она выглядела так, будто не спала несколько дней. Светлые волосы, мокрые от дождя, прилипли к бледным щекам, а глаза, большие, серые, как у отца, были красными от слёз. На ней была тёмная толстовка, промокшая на плечах, и джинсы с протёртыми коленями. В руках она сжимала стакан с остывшим чаем, который ей дал Дейв, но она так и не сделала ни глотка.

Этан на мгновение остановился в дверях, глядя на неё. Что-то в этой хрупкой фигуре, сжавшейся на жёсткой скамье, вызвало у него острое, почти физическое сострадание. Он знал Лили с тех пор, как она была ребёнком, тихая, серьёзная девочка, которая всегда здоровалась с ним, когда он проезжал мимо их дома. Теперь перед ним сидела не девочка, а молодая женщина, на плечи которой обрушилось нечто, чего она не могла ни понять, ни вынести.

Он подошёл медленно, стараясь не напугать её, и опустился на стул напротив.

— Лили, — позвал он тихо. — Лили, посмотри на меня.

Она подняла голову. В её глазах было что-то такое, от чего Этану стало не по себе. Страх, отчаяние, но ещё и лихорадочный, почти безумный блеск, как у человека, который заглянул в бездну и не смог отвести взгляд.

— Я виновата, — прошептала она. Голос её дрожал, срывался, как натянутая струна. — Это всё я. Это всё из-за меня.

Этан наклонился к ней, стараясь говорить спокойно и ровно, как говорил с пострадавшими десятки раз до этого.

— Лили, послушай меня. Я знаю, что тебе сейчас очень тяжело. Но ты не виновата в том, что случилось с твоим отцом. Ты меня понимаешь? Никто не винит тебя.

Она замотала головой, и слёзы потекли по её щекам, смывая дорожки от предыдущих.

— Вы не понимаете, — она всхлипнула, и слова полились из неё, как вода из прорвавшейся плотины. — Это кулон. Он подарил мне кулон. Сказал, что нашёл его, что он особенный, что он будет меня защищать. Я злилась на него, понимаете? Он запретил мне идти на вечеринку, я так злилась, я кричала на него, я... — она захлебнулась рыданием, зажала рот ладонью. — А потом он принёс этот кулон и был такой счастливый, такой добрый, как будто хотел всё исправить. А я...

— Что ты сделала? — мягко спросил Этан, хотя внутренне уже готовился к тому, что услышит что-то обычное, подростковая ссора, резкие слова, сожаление.

Лили подняла на него глаза, и в этих глазах плескался такой ужас, что у Этана перехватило дыхание.

— Я загадала желание, — прошептала она. — Я загадала, чтобы он отстал от меня. Чтобы он перестал меня контролировать, перестал запрещать мне жить. Я просто хотела, чтобы он оставил меня в покое!

Она зарыдала в голос, сгибаясь пополам, раскачиваясь вперёд-назад. Дейв, стоявший у стены с кружкой кофе, переглянулся с Этаном, но тот жестом велел ему молчать.

Этан положил руку на плечо Лили. Оно дрожало под его ладонью, как у испуганного зверька.

— Тише, — сказал он. — Тише, Лили. Попробуй дышать. Медленно. Вдох, выдох. Вдох, выдох.

Она попыталась, но выходило плохо. Рыдания сотрясали её тело, и слова, когда она снова заговорила, были смазанными, почти неразборчивыми.

— Он ушёл на работу, как обычно, но перед этим... он сказал, что любит меня. А я... я даже не ответила. Я просто отвернулась. Я хотела, чтобы он ушёл. Я хотела, чтобы он исчез. И он исчез. Понимаете? Он исчез, потому что я так захотела!

Этан слушал, и холод медленно расползался у него по спине. Он видел такое раньше: свидетели, побывавшие на грани, часто винили себя. Мозг, не справляясь с реальностью, придумывает объяснения, возводит барьеры из безумия, чтобы защитить себя от невыносимой правды.

— Лили, — сказал он, стараясь, чтобы голос звучал как можно мягче, — когда человек исчезает, те, кто его любят, часто ищут причину в себе. Это нормально. Это часть горя. Но то, что ты поссорилась с отцом перед его уходом, не означает, что ты виновата. Ты меня слышишь? Это не твоя вина.

— Но я... — она судорожно сглотнула, — я загадала.

Этан нахмурился. Он решил не углубляться в это сейчас. Сначала нужно собрать факты, восстановить хронологию, понять, что действительно произошло.

— Давай по порядку, — сказал он, вынимая из кармана потрёпанный блокнот. — Ты можешь рассказать мне, когда ты в последний раз видела отца? Только медленно, спокойно.

Лили шмыгнула носом, вытерла щёки рукавом толстовки. Её дыхание постепенно выравнивалось, но в глазах всё ещё стоял тот же лихорадочный блеск.

— Позавчера вечером, — начала она. — Он ушёл на работу, как обычно. У него смена была ночная, он всегда уходил в девять. Перед этим... перед этим он подарил мне кулон. Сказал, что нашёл его, что это что-то ценное. Он был... он был счастлив. Понимаете? Он редко был таким. Он улыбался, обнял меня, сказал, что любит меня. А я... я всё ещё злилась из-за вечеринки. Я взяла кулон и ушла в свою комнату. Я злилась, так злилась, что... что загадала желание. Я не думала, что это сработает. Я пожелала, чтобы он отстал от меня. Чтобы он перестал меня доставать. Чтобы он понял, каково это, когда тебя не слышат.

Она замолчала, глядя в пол. Этан записывал, стараясь не упустить ни слова.

— Что было дальше? — спросил он.

— Я услышала, как хлопнула дверь. Он ушёл. Я ещё подумала: «Ну и пусть. Пусть идёт». А потом... потом я легла спать. Утром его не было, я не волновалась сначала, думала, он задержался на работе. Но прошёл день, и ещё один, а он не звонил, не отвечал на мои сообщения. Я пошла на кладбище, его сторожка была пустая, дверь не заперта, фонарь на столе. И всё. Как будто он просто вышел на минуту и не вернулся.

Этан перестал писать. Внутри у него появилось нехорошее чувство.

— Ты говорила с кем-нибудь из его коллег? — спросил он.

— Он работал один, — ответила Лили. — Ему иногда помогал старый мистер Гэллоуэй, но он сейчас в больнице. Больше никто, только он и кладбище.

Этан переглянулся с Дейвом. Тот едва заметно покачал головой, как бы говоря: «Не знаю, что с этим делать». Этан тоже не знал. Но он знал другое: нужно искать Уолтера Хейла. Живого или мёртвого.

— Лили, послушай меня, — сказал он, откладывая блокнот в сторону. — Ты сейчас очень устала. Тебе нужно поехать домой, отдохнуть. Возможно, позвать кого-нибудь, подругу, соседку. Я не хочу, чтобы ты оставалась одна.

— Я не могу вернуться домой, — прошептала она. — Мне страшно.

— Тогда я попрошу Дейва отвезти тебя к миссис Хэтуэй, — сказал Этан, имея в виду пожилую вдову, жившую через два дома от участка. — У неё есть свободная комната. Ты

поспишь, поешь, придёшь в себя, а я начну поиски твоего отца прямо сейчас. Обещаю тебе, Лили, я найду его, во что бы то ни стало.

Она подняла на него глаза, и в них на мгновение мелькнуло что-то похожее на надежду. Но тут же погасло, сменившись прежним отчаянием.

— Вы не понимаете, — повторила она едва слышно. — Это я виновата, я пожелала, чтобы он исчез, и он исчез. Это сбылось. Я не хотела, чтобы он пропадал. Я просто хотела, чтобы он отстал, чтобы он понял. А теперь его нет, и это моя вина.

Этан встал. Он положил руку ей на плечо и слегка сжал, стараясь передать хоть немного уверенности.

— Я разберусь, — сказал он твёрдо. — А сейчас идём.

Дейв отвёз Лили к миссис Хэтуэй, предварительно позвонив старушке и объяснив ситуацию в общих чертах. Этан остался в участке, он стоял у окна, глядя, как дождь хлещет по стеклу, и слушал, как ветер завывает в проводах. В голове крутились слова Лили, её сбивчивый рассказ, этот странный, лихорадочный блеск в глазах.

Дейв вернулся через полчаса, стряхивая капли с волос. Он был молод, лет тридцать с небольшим, но уже перенимал ту особую, усталую манеру держаться, которая свойственна людям, слишком долго работающим в маленьких городках. Он прошёл к кофемашине, налил себе кружку и сел на край стола.

— Ну? — спросил он, отхлебнув. — Что думаешь?

Этан не обернулся, он продолжал смотреть в окно, на серую пелену дождя, размывающую очертания зданий.

— Думаю, что Уолтер Хейл мёртв, — сказал он тихо. — Или скоро будет.

Дейв поперхнулся.

— С чего такой вывод?

Этан повернулся к нему. Лицо его было суровым, но в глазах читалась глубокая, застарелая усталость, которая в последнее время стала его постоянным спутником.

— Потому что он не оставил бы её, — сказал он. — Уолтер был из тех людей, у которых всё по правилам, всё по расписанию и он обожал свою дочь. Он никогда не ушёл бы, не предупредив, не позвонив. Если его нет двое суток, значит, случилось что-то, из-за чего он не может вернуться.

Дейв поставил кружку на стол.

— Думаешь, несчастный случай на кладбище?

— Возможно. На днях обрушился склеп, он мог быть рядом, мог упасть, провалиться, удариться. Ты сам видел, что творится с землёй в такой дождь.

— Но тело?

— Его могло унести потоком, или засыпать, или он лежит где-то в овраге, под кучей веток, и мы его не видим. На кладбище полно мест, где человек может пролежать неделю, прежде чем его найдут, особенно в такую погоду.

Дейв помолчал, обдумывая его слова, потом спросил:

— А что насчёт того, что говорила Лили? Ну, про желание, про то, что отец исчез из-за неё?

Этан покачал головой.

— Шок. Она перенесла сильный стресс, мозг играет с ней злые шутки. Не воспринимай это буквально. Но кулон всё же стоит найти, непонятно, от куда он взялся, вещь может быть дорогой, Уолтер не смог бы купить дорогую вещь.

Дейв кивнул.

— Ладно. С чего начнём?

Этан взял со стола куртку и направился к двери.

— С кладбища. Нужно осмотреть склеп, сторожку, весь северный участок, и опросить всех, кто мог видеть Уолтера в тот вечер, если он жив, мы его найдём. Если нет... — он помедлил, и в его голосе послышалась мрачная решимость, — то найдём тело. Так или иначе.

Дейв поднялся, допил кофе одним глотком и последовал за шерифом, дверь захлопнулась за ними, и участок погрузился в тишину, нарушаемую лишь шумом дождя и ровным гудением ламп.

Этан вышел на улицу, и дождь сразу же обрушился на него, словно ждал этого момента, он поднял воротник, но это не помогло, вода стекала по лицу, заливалась за шиворот, ледяными струйками бежала по спине. Внедорожник стоял на обочине, и его фары тускло отражались в лужах, разбросанных по асфальту.

Прежде чем сесть в машину, Этан на мгновение задержался, он посмотрел на серое, низкое небо, на пустую улицу, на мокрые витрины, в которых, как в кривых зеркалах, дрожали размытые огни, где-то вдалеке, за пеленой дождя, угадывались очертания холма, на котором стояло старое кладбище.

— Поехали, — сказал он Дейву, который уже устроился на пассажирском сиденье.

Машина тронулась, разбрызгивая лужи, и вскоре скрылась за стеной дождя, оставив позади пустой, вымокший до нитки городок.

Глава 3.

Дорога на кладбище шла в гору, и внедорожник Этана с трудом пробирался по размытой грунтовке, буксуя в жидкой грязи. Дождь не ослабевал ни на минуту, он хлестал по крыше, заливал лобовое стекло, превращая окружающий мир в серую, дрожащую массу. Дворники работали на пределе, но видимость всё равно оставалась отвратительной: по обеим сторонам дороги расплывались тёмные силуэты деревьев, голых, скрюченных, словно протягивающих к машине свои узловатые руки.

Этан сидел за рулём, подавшись вперёд, вглядываясь в пелену дождя. Рядом, на пассажирском сиденье, Дейв Харрис придерживал рукой термос с кофе, который они захватили из участка, и время от времени бросал короткие взгляды на шерифа. Оба молчали, говорить не хотелось, да и не о чем было. Всё, что можно было сказать, уже прозвучало в участке, а то, что осталось невысказанным, висело в воздухе тяжёлым, невидимым грузом.

Кладбище встретило их распахнутыми настежь воротами. Старая кованая арка, на которой когда-то красовалась надпись «Блэквудское кладбище», покосилась, и буквы, выцветшие от времени, теперь читались с трудом. Этан остановил машину у входа, возле сторожки, и заглушил двигатель. В наступившей тишине дождь зазвучал ещё громче, монотонный, тяжёлый, как барабанная дробь.

— Ну что, начнём? — спросил Дейв, отстёгивая ремень.

Этан кивнул, но не сразу вышел из машины, он смотрел на сторожку, маленькое приземистое здание с тёмными окнами, на дверь, чуть приоткрытую, словно кто-то вышел на минуту и не вернулся, внутри было темно, и от этого темнота казалась густой, осязаемой. Этан знал, что Уолтер не запирал дверь, когда уходил на обход, но сейчас эта приоткрытая дверь выглядела как немой укор.

— Сначала осмотрим сторожку, — сказал Этан. — Потом пойдём на северный участок.

Он вышел под дождь, и холод сразу же пробрался под куртку, заставив его поёжиться, Дейв последовал за ним, натянув капюшон. Вдвоём они направились к сторожке, оставляя за собой следы в раскисшей грязи.

Внутри было холодно и пахло сырым деревом. Этан включил фонарик и осмотрелся. Всё выглядело так, как и должно было: стол у окна, на нём старый жестяной фонарь, термос, пара кружек, у стены топчан, с аккуратно сложенным одеялом, в углу дробовик, прислонённый к деревянной стойке. Никаких следов борьбы, ничего, что указывало бы на то, что Уолтер покинул это место против своей воли.

— Порядок, — произнёс Дейв, оглядываясь. — Как будто он просто вышел и не вернулся.

— Именно, — ответил Этан. — И это мне не нравится.

Он подошёл к столу и открыл верхний ящик, внутри лежали старые квитанции, пожелтевшие бумаги, моток бечёвки. В другом ящике он нашёл потрёпанную тетрадь в клеёнчатой обложке. Этан бегло пролистал её: даты, погода, мелкие происшествия. Последняя запись обрывалась накануне исчезновения. Всего несколько слов: «Склеп Грейвзов обвалился. Завтра разберу завал».

— Нашёл что-то? — спросил Дейв.

— Записи. Но ничего важного. Заберу с собой.

Этан сунул тетрадь во внутренний карман куртки и вышел из сторожки. Дождь не унимался. Где-то вдалеке, за пеленой воды, угадывались очертания надгробий, тёмные, покосившиеся, как зубы старого хищника.

Они двинулись по центральной аллее, которая вела вглубь кладбища. Гравий под ногами сменился чавкающей грязью, и вскоре туфли Этана окончательно промокли, но он не обращал на это внимания. Северный участок был дальше всех, у самой ограды, туда вела узкая тро-

пинка между могилами, деревья здесь росли гуще, и их ветви сплетались над головой, создавая подобие тёмного тоннеля.

Когда они добрались до склепа, Дейв тихо выругался.

— Ничего себе.

Склеп семьи Грейвз выглядел так, словно по нему ударили изнутри. Часть фасада обвалилась, и перед ними зиял чёрный провал, из которого тянуло сырым холодом, кирпичи лежали неровной кучей, пересыпанные старым раствором и кусками гнилого дерева, часть крыши провалилась внутрь, и в этом хаосе угадывались очертания старых гробов, тёмных, рассохшихся, с провалившимися крышками.

— Не подходи близко, — предупредил Этан. — Может обвалиться ещё.

Он включил фонарик и осторожно приблизился к провалу. Луч света проник внутрь, выхватывая из темноты обломки камня, клочья паутины, обрывки истлевшей ткани. Этан всматривался вглубь, стараясь заметить хоть что-то, что могло бы указать на присутствие Уолтера, но внутри не было ничего, кроме разрушения.

— Видишь? — спросил Дейв, стоявший в нескольких шагах позади.

— Пока нет.

Этан сделал ещё шаг. Земля под ногами была скользкой, и ему пришлось ухватиться за выступ стены, чтобы не поскользнуться. Луч фонаря скользнул по дальней стене склепа, и Этан замер. В нише, вырубленной в камне на уровне груди, было пусто, но на пыльном камне остался отпечаток, прямоугольный, с закруглёнными краями, словно там долгое время лежал какой-то предмет.

— Дейв, подойди сюда, — позвал он.

Помощник осторожно приблизился и заглянул внутрь.

— Что там?

— Видишь нишу? Там что-то лежало и это что-то забрали.

— Думаешь, Уолтер?

Этан не ответил. Он продолжал вглядываться в пустую нишу, и в голове у него зрел вывод. Уолтер был здесь. Он видел обрушение, заглянул внутрь, нашёл что-то в этой нише и забрал. А потом исчез. Но связь между этими событиями не казалась очевидной.

— Посмотри вокруг, — сказал Этан. — Только осторожно, не наступай на битый кирпич.

Дейв кивнул и принялся обходить склеп с другой стороны. Этан остался у провала, продолжая осматривать внутренности. Он уже собирался отойти, когда луч фонаря выхватил из грязи у самого края что-то блестящее, Этан наклонился. Это был обрывок цепочки, тонкой, тёмного металла, всего в несколько звеньев. Он поднял её, повертел в свете фонаря.

— Нашёл что-то? — крикнул Дейв.

— Обрывок цепочки. Похоже, от ювелирного изделия.

Он положил цепочку в пакет и сунул в карман, потом выпрямился и осмотрелся. Кладбище молчало, только дождь стучал по надгробиям, и в этом стуке было что-то ритмичное, почти гипнотическое. Этан вдруг почувствовал, как по спине пробежал холодок, не от ветра, а от ощущения, что за ним наблюдают. Он обернулся, но за спиной были только могилы, тёмные от воды, и голые ветви, качающиеся на ветру.

— Здесь никого, — сказал он вслух, сам не зная зачем.

— Что? — отозвался Дейв.

— Ничего. Пошли отсюда.

Они провели на кладбище ещё около часа. Прочесали северный участок, заглянули за ограду, спустились в неглубокий овраг, куда дождевые потоки смывали листья и мусор. Но Уолтера не было. Ни живого, ни мёртвого. Кладбище, казалось, проглотило его без следа, не оставив ни единой зацепки.

Когда они вернулись к машине, уже начало темнеть, дождь не утихал, и в сумерках кладбище выглядело ещё более зловещим, тёмные силуэты памятников, размытые контуры склепов, деревья, склоняющиеся под тяжестью воды. Этан завёл двигатель и включил печку, но тёплый воздух не принёс облегчения. Он сидел, сжимая руль, и смотрел вперёд, на ворота кладбища, которые медленно тонули в тумане.

— Что теперь? — спросил Дейв.

Этан помолчал.

— Будем искать дальше, — ответил он. — Завтра опросим соседей, проверим все тропинки, ведущие от кладбища, может, он ушёл через лес и где-то упал. В такую погоду человека можно не заметить и в двух шагах.

Дейв кивнул, но по его лицу было видно, что он не разделяет оптимизма шерифа. Впрочем, и сам Этан не верил в то, что говорил, он чувствовал, с Уолтером случилось что-то, чего они пока не могли понять.

Машина тронулась, разбрызгивая лужи, и покатила вниз по размытой дороге. Позади оставалось кладбище, мокрое, тёмное, молчаливое. И в этом молчании было что-то, от чего Этану становилось не по себе. Он не был суеверным, но сегодня, впервые за долгие годы, он пожалел, что не верит в Бога.

День сменился вечером, вечер, ночью. Дождь продолжал идти, и Блэквуд, погружённый во тьму, казался городом-призраком, застрявшим между двумя бесконечностями, небом и землёй, водой и туманом. Этан сидел в участке, просматривая записи в тетради Уолтера, но буквы расплывались перед глазами. Усталость брала своё, и в какой-то момент он поймал себя на том, что думает не о пропавшем смотрителе, а о Саре, о её лице, о её руке, такой хрупкой в его ладони.

Он закрыл тетрадь и откинулся на спинку стула. За окном, в редких вспышках уличных фонарей, дрожала завеса дождя, где-то вдалеке, на холме, под этим дождём лежало кладбище, а на нём, раскрытый склеп семьи Грейвз, как открытая рана.

Этан ещё не знал, что пройдёт совсем немного времени и эта рана начнёт кровоточить.

Глава 4.

Дом Уолтера Хейла стоял на окраине города, в конце узкой улицы, упиравшейся в заросли одичавшей сирени. Одноэтажный, с облупившейся белой краской и просевшим крыльцом, он выглядел так, словно сам устал от бесконечного дождя. Над трубой не было дыма, окна темнели, и только капли, срывающиеся с водосточного жёлоба, нарушали тишину мерным, убаюкивающим стуком.

Этан остановил машину у покосившегося забора и несколько минут сидел, глядя на дом. Он помнил, как приезжал сюда пару раз по каким-то пустяковым делам, то ли жалоба на шум, то ли просто разговор о чём-то незначительном. Уолтер всегда встречал его на крыльце, спокойный, немногословный, со сложенными руками, будто ждал гостя. Теперь дом молчал, и это молчание казалось тяжелее любого крика.

Этан вышел из машины, поднял воротник и, перепрыгнув через лужу у калитки, направился к входной двери. Она была заперта. Ключ нашёлся под цветочным горшком, в котором давно ничего не росло, Уолтер был старомоден и почему-то верил, что под цветочным горшком ключ никто не тронет.

Внутри пахло старым деревом, воском и едва уловимым запахом ладана. Этан осторожно прикрыл за собой дверь и осмотрелся. В доме было чисто, но не стерильно, каждая вещь лежала на своём месте, и в этом порядке чувствовалась многолетняя привычка к дисциплине. На стене в гостиной висело распятие, под ним, маленькая полочка с иконой Богоматери и потухшей лампадкой, на комоде стояли фотографии в простых деревянных рамках. Этан подошёл ближе.

На одной из них была женщина, мягкое, доброе лицо, светлые волосы, убранные под платок. Мать Лили, догадался он, она умерла много лет назад, но Уолтер так и не снял её портрет. Рядом стояла фотография Лили, уже не ребёнок, но ещё не взрослая. Уолтер и Лили на старой фотографии, где дочь ещё совсем маленькая, сидит у отца на плечах и смеётся, Уолтер тогда был моложе, но уже седой, с теми же глубокими морщинами у глаз.

Этан отвёл взгляд и прошёл на кухню. На столе, кружка с давно высохшим чаем, на спинке стула, свитер, сложенный вдвое. Никаких следов борьбы, ничего, что указывало бы на спешку или насилие, Уолтер ушёл из дома, как уходил всегда: спокойно, по-хозяйски, оставив всё на своих местах. И не вернулся.

Этан вышел во двор. Дождь немного ослаб, превратившись в мелкую морось, висевшую в воздухе. Он постоял на крыльце, глядя на мокрый двор, на покосившийся сарай в глубине, на голые кусты вдоль забора, потом направился к соседнему дому, небольшому, ухоженному, с жёлтыми занавесками на окнах.

Дверь открыла миссис Грин, пожилая вдова с сухоньким лицом и острыми, как у птицы, глазами. Она узнала Этана и, не дожидаясь вопросов, отступила вглубь прихожей, приглашая войти.

— Проходите, шериф. Слышала я про Уолтера, до сих пор поверить не могу.

В доме пахло выпечкой и корицей. Миссис Грин усадила Этана за кухонный стол и, суетясь, поставила перед ним чашку с чаем, от которой поднимался пар.

— Вы давно его видели в последний раз? — спросил Этан, достав блокнот.

— Позавчера утром, он вышел из дома, как обычно, около девяти. Я как раз поливала цветы на подоконнике, увидела его. Он помахал мне рукой, улыбался. Я ещё подумала, надо же, какой он сегодня радостный, обычно такой серьёзный, а тут весь светится.

— Вы не заметили в его поведении ничего странного? Может, он нервничал, спешил?

Миссис Грин покачала головой.

— Нет, наоборот, был спокоен. Даже как-то... умиротворённо. Я его таким после смерти жены не видела, а тут, будто груз с плеч сбросил.

Этан записал. Потом спросил:

— А вечером? Вы не видели, как он выходил?

— Нет, вечером я уже не выходила, дождь лил как из ведра, но я слышала, как хлопнула его дверь. Где-то около девяти, как всегда.

— Вы не слышали ничего подозрительного? Криков, шума?

— Нет, что вы. У нас тихо, только дождь и ветер.

Этан поблагодарил и вышел. Следующим был дом мистера Гилберта, старого фермера, жившего через дорогу. Тот оказался во дворе, под навесом, возился с каким-то инвентарём, увидев шерифа, он выпрямился и снял мятую кепку.

— Доброе утро, шериф. Про Уолтера слыхал, дело плохое.

— Вы его видели в последние дни?

Гилберт почесал затылок.

— Видел, в тот вечер, когда он пропал. Я как раз возвращался из города, шёл пешком вдоль кладбищенской ограды, смотрю, Уолтер идёт к воротам, фонарь в руке, я ещё окликнул его: «Уолтер! Погодка-то не для прогулок!» А он обернулся, улыбнулся и говорит: «Ничего, мне не привыкать» и пошёл дальше.

— Это было в котором часу?

— Да около половины десятого, может, чуть позже. Темнело уже.

— И больше вы его не видели?

— Нет. Наутро я проходил мимо кладбища, сторожка была открыта, а потом узнал, что пропал.

Этан записал и это. Поблагодарил и двинулся к третьему дому, где жила миссис Хэтуэй, та самая, у которой сейчас остановилась Лили. Старушка встретила его приветливо, но в глазах её стояла тревога.

— Бедная девочка, — сказала она, качая головой. — Всю ночь не спала, всё бормотала что-то про кулон, про то, что виновата. Я ей и чай, и валерьянку, ничего не помогает.

— Она говорила что-нибудь ещё? — осторожно спросил Этан.

— Да всё одно и то же, мол, загадала желание, а оно сбылось не так. Я уж и не знаю, как её успокоить, она ведь отца любила, хоть и ссорились они последнее время.

Миссис Хэтуэй помолчала, потом добавила:

— Уолтер хороший человек был набожный, добрый. Строгий, да, но разве можно его винить? Он дочь одну растил, боялся за неё. Такая уж наша жизнь, чем сильнее любишь, тем строже бываешь.

Этан кивнул, он чувствовал, как в груди разрастается уже знакомое тягостное ощущение. Все говорили об Уолтере одинаково: хороший, добрый, ответственный, человек, который не бросил бы дочь, который не ушёл бы без причины, который всегда возвращался домой. А теперь его нет, и никто не может сказать, что случилось.

Он вернулся в участок около полудня. Дейв сидел за столом, перебирая бумаги. Этан снял мокрую куртку, повесил на спинку стула и устало опустился на своё место.

— Что-нибудь есть? — спросил Дейв.

— Ничего. Все видели его до того, как он ушёл на работу, а после никто. На кладбище его тоже не видели.

— Я звонил в больницу, в морг, но никто не поступал с таким описанием.

Этан потёр лицо ладонями, усталость давила на плечи, как мокрое одеяло. Он думал о Лили, о её заплаканных глазах, о том, как она бормотала про кулон и желание, он не верил в эту чушь. Он знал, что такое часто случается с людьми, пережившими потерю.

— Что мы имеем? — произнёс он вслух, скорее для себя, чем для Дейва. — Человек ушёл на работу на следующую ночь после того, как обрушился склеп, с тех пор его никто не

видел. В склепе пустая ниша, из которой что-то забрали, обрывок цепочки на земле. И всё, больше ничего.

Дейв покачал головой.

— Может, он просто упал где-то и лежит? В такую погоду тело может быть где угодно.

— Тогда почему мы его не нашли? Мы прочесали всё кладбище, весь северный участок.

— Лес за оградой? Мы туда не заглядывали.

Этан задумался. Лес, тёмный, мокрый, пронизанный туманом. Он мог скрыть что угодно. Но идти туда без ориентиров, в такой дождь, было почти бессмысленно.

— Завтра пойдём, — решил он. — Возьмём собак, прочешем лес, если он там, мы его найдём.

Но даже произнося эти слова, Этан чувствовал, что это не ответ. Слишком много вопросов, слишком мало следов, словно кто-то стёр все зацепки, оставив только пустоту, в которой тонули и догадки, и надежды.

Он вышел из участка и сел в машину. Дождь снова усилился, и стеклоочистители едва справлялись с потоком. Этан сидел, сжимая руль, и смотрел на пустую улицу, где-то там, в нескольких кварталах, в тёплом доме миссис Хэтэуэй, сидела Лили и ждала новостей, а он не знал, что ей сказать,не знал, в какую сторону идти и как вести расследование. Впервые за долгие годы он чувствовал себя беспомощным, перед исчезновением человека, перед болезнью жены, перед самим этим проклятым дождём, который, казалось, никогда не закончится.

Он завёл двигатель и медленно поехал в сторону больницы. Саре он тоже ничего не мог дать, кроме своего присутствия, но хотя бы это он мог сделать. И пока он был рядом с ней, тьма, сгущавшаяся над городом, отступала, ненадолго, но всё же.

Глава 5.

Блэквуд, штат Мэн. Октябрь. Прошло шесть дней.

Дождь стал частью жизни. Он шёл уже десятую ночь подряд, и Блэквуд, казалось, начал забывать, каким бывает сухое небо. Вода стояла в канавах, хлюпала под ногами, стекала по водосточным трубам с монотонным, убаюкивающим журчанием. Дороги размыло, а старый мост через речушку на восточной окраине города просел настолько, что его пришлось перекрыть. Город замер, закутался в серый кокон тумана и молчал, как больной, у которого нет сил говорить.

Шесть дней. Шесть долгих, сырых, бесконечных дней прошло с тех пор, как Уолтер Хейл исчез. Этан и Дейв прочесали кладбище вдоль и поперёк, спустились в овраги, обошли лес за оградой, вызвали поисковую группу из соседнего округа с собаками. Собаки взяли след у сторожки, довели до северного участка и потерялись, закружили на месте, заскулили, поджали хвосты, словно наткнулись на невидимую стену. Кинолог только разводил руками: «Понятия не имею, шериф, такое впечатление, что человек просто растворился в воздухе».

Этан не верил в то, что люди растворяются в воздухе. Но факты были упрямы: Уолтера не было нигде, ни живого, ни мёртвого. Ни следов, ни улик, ни свидетелей, только пустая сторожка и открытая дверь.

Этан просыпался затемно, пил кофе, ехал в участок, проверял сводки, звонил в соседние округа, рассылал ориентировки. Потом снова и снова возвращался к одним и тем же вопросам: куда он пошёл? что увидел? почему не вернулся? Ответов не было. Город шептался, но это были лишь слухи, пустые, как осенние листья, гонимые ветром. Кто-то говорил, что Уолтер утонул в разлившейся реке. Кто-то, что он тронулся умом и ушёл в лес. Кто-то, совсем уж тёмные люди, поминали старое кладбище и говорили, что земля там «проснулась». Этан отмахивался, но где-то глубоко, под слоем профессионального скептицизма, росло нехорошее чувство, которое он не мог ни назвать, ни прогнать.

Больница пахла всё той же хлоркой и отчаянием. Этот запах въедался в одежду, в кожу, в саму душу, и Этан уже не замечал его, как не замечают запах собственного дома. Он шёл по коридору, кивая знакомым медсёстрам, и в груди у него разрасталась тупая, ноющая пустота, он ненавидел эти стены, этот свет, эти бесконечные двери, за которыми угасали чьи-то жизни, но больше всего он ненавидел то, что не мог ничего изменить.

Сара лежала у окна. За стеклом, как всегда, моросил дождь, и его капли ползли по стеклу медленно, как слёзы. Она не спала, просто лежала с закрытыми глазами, и её лицо, такое знакомое, такое родное, казалось теперь вырезанным из старого пергамента. Кожа на скулах натянулась, под глазами залегли тёмные тени, а губы, некогда яркие, стали бледными, сухими, с трещинками в уголках.

Этан тихо вошёл, присел на стул у кровати. Сара не открыла глаз, но уголки её губ дрогнули.

— Ты пришёл, — прошептала она. — Я слышу твои шаги за версту.

— Прости, — сказал Этан. — Я не хотел будить.

— Ты и не разбудил. Я не спала.

Она открыла глаза и посмотрела на него. В них было столько тепла, что у Этана перехватило дыхание, он не понимал, как она может быть такой доброй, светлой, почти весёлой, когда её тело пожирает боль. Врачи увеличили дозу обезболивающих, но и они не помогали, вчера Сара стонала во сне, но медсестра сказала, что это нормально. «Нормально», какое страшное слово.

— Что слышно в городе? — спросила Сара, слабо сжимая его руку. — Нашли смотрителя?

Этан покачал головой.

— Нет. Пока ничего.

— Ты ведь не сдашься?

— Нет.

Сара улыбнулась, той самой улыбкой, от которой у него всегда теплело на душе.

— Знаешь, я всё думаю про его дочь. Как она там?

— Лили? — Этан нахмурился. — Плохо. Она винит себя, говорит, что поссорилась с отцом перед его уходом.

— Это ужасно, — тихо сказала Сара. — Бедная девочка, она ведь совсем одна.

Этан ничего не ответил. Он смотрел на их переплетённые пальцы, её тонкие, почти прозрачные, и свои, грубые, с обломанными ногтями и въевшейся под кожу грязью дорог. Он так хотел её спасти, так отчаянно, так больно, что иногда ему казалось, ещё немного, и сердце не выдержит этого груза.

— Мне кажется, он не уходил сам, — проговорил Этан, глядя в окно. — Уолтер. Что-то случилось.

Сара не ответила. Она просто смотрела на него, и в её глазах не было ни страха, ни сомнения.

— Ты найдёшь, — сказала она наконец. — Ты же всегда находишь.

Этан сглотнул комок. Ему хотелось верить ей, хотелось верить, что где-то в этом мокром, сером городе спрятан ответ, который он сможет найти, но пока все его поиски упирались в пустоту, в туман, в бесконечный дождь.

Они помолчали. Потом Сара закашлялась, сухо, надрывно, прижимая руку к груди. Этан вскочил, подал ей стакан с водой, но она отстранилась.

— Ничего, — выдохнула она. — Просто... немного больно.

Этан стиснул зубы, он знал, что это не «немного», он видел, как она сжимает простыню, как белеют костяшки её пальцев, как дрожит жилка на виске. И он ничего, ничего не мог сделать. Только сидеть рядом, держать её за руку и чувствовать, как собственное бессилие разъедает его изнутри.

— Посиди со мной, — попросила Сара, отдышавшись. — Просто посиди.

Он остался. Дождь за окном стучал по стеклу, как старый друг, который пришёл не за утешением, а чтобы напомнить: мир не станет добрее только оттого, что тебе плохо. Этан держал Сару за руку и смотрел, как она засыпает, медленно, тяжело, с короткими паузами между вдохами. Её лицо во сне казалось спокойным, но он знал, что это обманчивое спокойствие. Боль никуда не уходила, она пряталась до поры, чтобы потом наброситься с новой силой.

Когда Сара уснула, Этан поднялся и тихо вышел в коридор. У окна, выходившего на парковку, он остановился. Дождь размывал огни фонарей, и они казались жёлтыми кляксами на чёрном полотне. Этан смотрел на них и думал о том, что завтра снова пойдёт на кладбище, снова будет искать то, чего нет, снова будет делать вид, что знает, куда идти.

Глава 6.

Женщина вошла в участок, когда Этан допивал вторую кружку кофе. Она появилась на пороге внезапно, как привидение, мокрая, растрёпанная, с белым как полотно лицом и глазами, в которых плескалось что-то среднее между горем и безумием. Дверь за ней хлопнула, и этот звук разорвал утреннюю тишину, как выстрел.

— Мой сын, — произнесла она с порога, и голос её сорвался на полуслове. — Мой сын... его убили.

Этан поднялся из-за стола, Дейв, сидевший у окна с каким-то отчётом, замер. Женщина стояла посреди комнаты, прижимая к груди мокрый платок, и её трясло от нервной дрожи, которая, казалось, шла из самой глубины её существа.

— Проходите, — спокойно сказал Этан, подходя к ней. — Сядьте, расскажите, что случилось.

Он усадил её на стул, и она заговорила, сбивчиво, захлёбываясь словами, как захлёбываются слезами. Её звали Дорис Кларк, её старший сын, Стивен, найден мёртвым утром у подножия обрыва за старой мельницей. Его обнаружил сосед, выгуливавший собаку, к тому времени мальчик был уже холодный.

— Стивен не мог упасть, — повторяла Дорис, сжимая платок так, что пальцы белели. — Он знал эти места с детства, он ловкий, сильный. Он лазил по этим склонам сто раз. Зачем ему подходить к краю? Зачем? Это не он, это кто-то другой. Кто-то его... заставил или толкнул.

— Кто мог его заставить? — спросил Этан, стараясь, чтобы его голос звучал ровно.

Женщина подняла на него глаза. В них стояли слёзы, но за ними горел огонь, лихорадочный, почти истеричный.

— Я не знаю. Но вы должны посмотреть. Вы должны найти…

Этан переглянулся с Дейвом, тот едва заметно кивнул. Нужно было ехать.

Старая мельница стояла на восточной окраине, за пустырём, заросшим бурьяном. Обрыв начинался сразу за ней, невысокий, но крутой, усеянный острыми камнями и вывороченными корнями, внизу, в овраге, блестела тёмная вода, дождевой поток, размывший глину и превративший дно оврага в чёрное месиво.

Тело уже накрыли полиэтиленом, но Этан, прежде чем подойти, оглядел место сверху. Следы на мокрой земле были свежими, они начинались у тропинки, ведущей от мельницы, и тянулись к краю обрыва. Но это не были шаги человека, который спокойно подошёл к краю, это были следы бегущего. Ноги вдавливались в землю глубоко, рывками, с разбрызганной грязью, словно человек мчался, не разбирая дороги, оскальзываясь, падая, снова вскакивая, и последний след, у самого края, где земля обвалилась под его тяжестью.

Этан медленно спустился по склону, цепляясь за корни. Дейв шёл следом, бормоча что-то про скользкую глину. Внизу, у ручья, лежал Стивен Кларк. Этан присел рядом, откинул край полиэтилена.

Парню было лет девятнадцать, широкие плечи, крепкие руки, лицо, которое при жизни, наверное, казалось открытым и простым, но сейчас это лицо застыло в выражении такого ужаса, что Этан на секунду отвёл взгляд. Глаза были широко распахнуты, рот приоткрыт, брови подняты. Не боль, не удивление, именно ужас. Леденящий, животный, парализующий. Человек, который падал с обрыва, боялся не падения, он боялся того, что было позади него.

— Шериф, — окликнул Дейв с вершины. — Тут что-то есть.

Этан поднялся. Дейв стоял наверху, указывая на землю у края. Этан с трудом вскарабкался обратно. В нескольких шагах от обрыва, на мокрой траве, виднелись отпечатки, глубокие, беспорядочные, словно здесь кто-то боролся. Но других следов не было, только следы Стивена.

— Он бежал оттуда, — Дейв махнул рукой в сторону мельницы. — Спотыкался, падал, вставал. Бежал, а потом сорвался.

— Почему? — Этан обвёл взглядом пустырь. — От кого он бежал?

— Кто-то шёл за ним?

— Тогда были бы следы.

Дейв замолчал. Этан снова посмотрел на следы, бегущий человек, без преследователя, следы ужаса на лице, пустырь, залитый дождём. Всё это не складывалось в единую картину.

В участок вернулись к вечеру. Дорис Кларк всё ещё сидела на стуле, сжимая в руках стакан с водой, увидев Этана, она вскочила.

— Вы видели? Вы видели его лицо? Это не несчастный случай, он не мог так упасть!

— Мы разберёмся, миссис Кларк, — ответил Этан. — Но сейчас мне нужно задать вам несколько вопросов.

Он опросил её подробно: с кем общался сын, были ли у него враги, не угрожал ли ему кто-нибудь. Дорис отвечала сбивчиво, но одно повторяла снова и снова: Стивен был хорошим мальчиком, ни врагов, ни ссор, ни странных знакомств. Только младший брат Тимми, замкнутый и тихий, вёл себя странно.

— Странно? — переспросил Этан.

— Да. Стивен иногда его обижал. По-братски, знаете, как бывает, но сегодня Тимми стал какой-то... притихший. Ходит как в воду опущенный. А вчера я слышала, как он шептался ночью. Я вошла в комнату, он сидел на кровати и смотрел в стену. Я спросила, что случилось, но не ответил, а только покачал головой.

— Он здесь?

— Нет. Он остался дома, не мог прийти.

Этан кивнул, он взял адрес и поднялся.

— Поедем к вам, мне нужно поговорить с Тимми.

Дорис не стала спорить. Она молча кивнула, вытерла платком мокрое от слёз лицо и первой вышла из участка. Дейв остался оформлять бумаги, а Этан сел в машину и поехал следом за стареньким седаном Дорис, который то и дело вилял по размытой дороге, словно сам водитель с трудом удерживал руль.

Дом Кларков стоял на западной окраине, в ряду таких же невзрачных одноэтажных построек, прижатых к земле, как промокшие коробки. Двор был пуст, на верёвке, натянутой между двумя столбами, сиротливо висела забытая футболка, уже насквозь пропитанная дождём. Этан припарковался у обочины, выключил двигатель и несколько секунд смотрел на тёмные окна дома.

Внутри было тихо и пахло сыростью. Дорис провела его в узкий коридор, из которого вела дверь в комнату Тимми, она остановилась у порога, прислушалась, потом тихо постучала.

— Тимми? Сынок, к тебе шериф, поговори с ним, пожалуйста.

Ответа не было, Дорис приоткрыла дверь и отступила, пропуская Этана, он вошёл.

Комната была маленькой, с окном, заклеенным старыми обоями, и голой лампочкой, свисавшей с потолка на чёрном шнуре. Тимми сидел на кровати, поджав ноги к груди, и смотрел в стену, он не повернул головы, не пошевелился, только его узкие плечи едва заметно вздрагивали при каждом вдохе.

Этан присел на край стула у письменного стола, снял кепку и положил её на колено.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.